

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.7)

Научная статья

УДК 316.3

doi: 10.18522/2070-1403-2022-94-5-2-9

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ДИСКУРСЫ ПОСТПОСТМОДЕРНИЗМА

© **Никита Николаевич Равочкин**

Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева; Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кемерово, Россия
nickravochkin@mail.com

Рассмотрены социально-философские дискурсы в современном облике мира – Постпостмодернизме. Приведены доводы в пользу преодоления когнитивных установок Постмодернизма. Репрезентированы составляющие новый образ многочисленные проявления. Проанализированы факторы, оказывающие влияние на трансформацию социальности в каждой из версий. Уточнены формы участия различных переменных в конкретных сторонах Постпостмодернизма. Раскрыта сущность метаморфоз общественной жизни. Обоснован поливариантный характер современного мира. В заключение подводятся и обобщаются итоги проведенного исследования.

Ключевые слова: общество, культура, дискурс, Постпостмодернизм, идея, мышление, трансформации.

Для цитирования: Равочкин Н.Н. Социально-философские дискурсы Постпостмодернизма // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 94. № 5. С. 2-9. doi: 10.18522/2070-1403-2022-94-5-2-9

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.7)

Original article

Socio-philosophical discourses of post-postmodernism

© **Nikita N. Ravochkin**

Kuzbass state technical university of T.F. Gorbachev; Kuzbass state agricultural academy. Kemerovo, Russian Federation
nickravochkin@mail.com

Abstract. It is considered socio-philosophical discourses in the modern appearance of the world – Post-Postmodernism. The arguments in favor of overcoming the cognitive attitudes of Postmodernism are presented. The numerous manifestations that make up the new image are represented. The factors influencing the transformation of sociality in each of the versions are analyzed. The forms of participation of various variables in specific aspects of Post-Postmodernism are clarified. The essence of the metamorphoses of public life is revealed. The polyvariant nature of the modern world is substantiated. In conclusion, the results of the conducted research are summarized.

Key words: society, culture, discourse, post-postmodernism, idea, thinking, transformations.

For citation: Nikita N. Ravochkin Socio-philosophical discourses of post-postmodernism. *The Humanities and Social Sciences*. 2022. Vol. 94. No 5. P. 2-9. doi: 10.18522/2070-1403-2022-94-5-2-9

Введение

Важной современной философской проблемой представляется поиск новых инструментов и принципов описания социальной реальности. Значимость поставленного таким образом вопроса заключается, прежде всего в том, что методологически любая эпоха и ее мыслители предстают перед некими диспозиционными предпосылками, в соответствии с которыми они занимаются осмыслением протекающих в обществе процессов. Как известно, плеяда мыслителей, которых традиционно можно отнести к Постмодернизму – философскому течению XX в., содержащего эвристические и когнитивные основания понимания исторических, общественных и культурных форм и состояний.

В частности, к видным представителям актуального исторического отрезка относим З. Баумана и Л. Хатчеон, а также целый ряд других фигур, которые стали высказывать идеи

о завершении Постмодернизма. Основной аргумент усматривается именно в методологическом вырождении данной эпохи, вследствие чего требует ревизия исследовательских инструментов для решения все еще неразрешенных задач. Некоторые мыслители в целом отмечают общую негативизацию произошедших интеллектуальных метаморфоз, что также не лучшим образом говорит о перспективности дальнейшей проработки этого направления поиска. Самоочевидно, что вне зависимости от доводов по поводу жизнеспособности Постмодернизма социальная теория не может находиться в условной изоляции, поэтому к настоящему времени появились целые группы мыслителей, которые хоть и прекратили говорить о современной эпохе, но одновременно с этим начали разрабатывать новые обществоведческие направления. А.В. Павлов предлагает трактовать завершение Постмодернизма через конец идеологии, то есть некоторой совокупности культурных, политических и социальных переменных, обуславливающих мировоззрение человека [6]. Внешне противостояние различных по многочисленным основаниям антагонистов неизбежно, однако их коллизии зачастую будут сведены к технике программирования и реализации собственной деятельности. Заслуживает внимания и идеи о связи новой эпохи – Постпостмодернизма – с посткапитализмом: их представители оказываются неспособными говорить о будущем, ведь они отрицают возможность выстраивания целостной временной характеристики как социального, так и персонального бытия [7].

Обсуждение

Разворачивающиеся тенденции создает новый каскад задач, связанных с поиском новых валидных оснований социально-философских исследований, которые бы могли дать возможность фундаментального объяснения протекающих в современном обществе процессов. По мнению А.В. Павлова, существующее разнообразие амбивалентно. С одной стороны, оно не позволяет выделить единой методологии, которую можно было бы пронаблюдать в концепциях зарубежных ученых, что действительно затрудняет процедуру понимания сущности Постпостмодернизма. Более того, он указывает, что некоторые мыслители отказываются идентифицировать себя именно в качестве как представителей данной методологии, ссылаясь на принципиальное расхождение в используемых приемах при проведении своих изысканий. Другая сторона Постпостмодернизма состоит в следующем: теоретикам все же удастся обнаружить некие общие принципы и основания, которые в неявной форме уже включены в обществоведческие концепции. Таким образом, сегодня существуют версии новых методологий социально-философских исследований, среди которых ведущими являются Космомодернизм, Гипермодернизм, Метамодернизм, Реновализм и ряд других [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

Одной из тенденций развития социальности является космомодернизм. В содержании этого понятия обнаруживаются признаки, отличающие его от постмодернизма за счет распространения базового основания общепланетарного мышления как определяющего способа для когнитивных установок человечества. Полагается, что физическое значение этого термина в расчет не принимается, однако важным оказывается именно способ миропонимания и последующие стремления индивидов найти собственное положение в социуме. Здесь необходимо отметить связи между модернизмом, постмодернизмом и космомодернизмом, содержательно подпадающим именно под Постпостмодернизм. Принципиальный характер приобретает корреляция между современностью и глобализационными процессами. Данная идея напрямую связана с унификацией сознания, языка, науки, мышления – всего, что имеет отношение к общественной системе. По сути, модернизм как этап развития общества делал ставку на техническое и инструментальное преобразование мира, что напрямую способствовало унификации человека. Субъект же трактовался как однотипный на том основании, что машинный труд не требовал от него сверхуникального понимания самого себя, необходимым оказывалось выполнение стандартных функций рядом с автоматом, техническим средством.

Постмодернизм, с точки зрения К. Морару, не предложил ничего стоящего и не развил хоть сколько-нибудь принципиально отличных идей по сравнению с основными положениями модернизма, однако идея эволюции глобализации сохранилась как базовая [10]. Высказывались положения, в которых глобальность мира определяла симулякризацию человеческого и общественного бытия, что способствовало унификации коллективного и персонального существования. Такое понимание унификации определялось скорее более высоким уровнем развития технических средств, что способствовало формированию человека как прибавки к виртуальному и симулированному существованию.

Постпостмодернизм как методология включала в себя точно такую же тенденцию, ее поддерживала, однако мыслители, которые относятся к данной методологии, свой взор обратили на межкультурное, языковое и литературное взаимодействие. К. Морару, как показывают Н.Б. Афанасов и А.П. Павлов, отождествляет понятия космодернизма и планетаризма, вкладывая в них исключительно филологический смысл. Такое уточнение значимо, поскольку принцип космического отношения имеет модернистское значение и отсылку к физической картине мира. Постмодернизм остается, как полагает К. Морару, в значительной степени западной, порой – американской формой культуры, сохраняя в нем так называемый «однополярный мир», в котором не предполагается даже допущения какой-либо культурной альтернативы [1;10]. Однако такие попытки формирования принципиально новых взглядов на современный мир не подкреплены прочными связями между естественно-научными, социально-гуманитарными и языковыми основаниями.

Н.Б. Афанасов и А.П. Павлов утверждают, что хотя глобализации и следует отдать принципиальную роль при построении каркаса Постпостмодернизма, но сам мегатренд следует категорировать несколько иначе. Как известно, в традиционном понимании предполагается доминирование англосаксонского мира при сохранении нынешних позиций неолиберальной экономики. При этом нам представляется целесообразнее руководствоваться иной интерпретацией: «Поздняя глобализация космодернизма – это не американизация, но скорее все формы диалога и взаимодействия между культурами, которые теперь делает возможным наше гиперсетевое состояние» [1, с. 51]. Такой подход к пониманию глобализирующегося общества связывается с тем, что целые культуры утратили свою уникальность и появились новые формы общения, фундированные модификациями языковых систем. Тенденция понятна: социальные трансформации современности с точки зрения Постпостмодернистов определяются идеями унификации языковой реальности и интернационализации национальных лингвистических образований, в силу чего диффузия языков с сохранением их уникальных ядер сопутствует практическому воплощению мультилингвизма.

Все это осуществляется в продолжение унификации культуры и общества, которые укоренены в Модернизме и Постмодернизме, однако акцент делается не на техническую или социальную сторону бытия человека, но на лингвистическую. Представленный акцент детерминирован иным основанием: мир перестает быть угрозой человеку, чем-то, что оказывается внешним по отношению к нему. Будучи комплексным феноменом, мир достаточно сильно тяготеет к унифицирующейся культуре. Следствиями разворачивания современных процессов становятся, к примеру, нивелирование границ между индивидами, но самое главное – преодолевается бинарная оппозиция «Я – Другой» (маркировка национальных языков в качестве общепринятых средств коммуникации, мобильность, общность базисных идей и аксиологических ориентаций), в результате люди повсеместно ощущают себя как дома, за исключением, наверное, самых отдаленных уголков с мощными культурными фильтрами и традициями. Для наглядности олицетворения всего конструктивного потенциала культуры А.В. Павлов и Н.Б. Афанасьев используют образ Берлинской стены, что выходит за рамки ее понимания только как капитуляции Восточного блока [1]. Действительно, к сегодняшнему дню снято достаточно большое количество препятствий, а многие былые политические коллизии попросту потеряли свою актуальность – и по итогу на практике реализовались идеи космополитизма. Мы видим, что унификация социального в Пост-

постмодернизме основана на фундаментальном смещении языковой и культурной среды. На таком основании логично утверждать о постепенном схождении с арены дискурсивных практик Модернизма и Постмодернизма в сторону более чем двухцветной палитры утверждений фактически по любому аспекту общественной жизни благодаря символическому характеру взаимодействий между множеством культур.

Не менее интересной идеей Постпостмодернизма является формирование тенденции Диджимодернизма или, Цифромодернизма. В самом общем виде содержание данного понятия предполагает цифровую перестройку современного общества. Тут обнаруживаются многочисленные референсы к новейшим технологиям, доказавшим свои детерминационные возможности в процессах упразднения Постмодерна и осуществивших ревизию сложившейся культуры и паттернов мышления. Прежде всего нас интересует тезис о так называемой «смерти Постмодерна» и его замещении Псевдомодернизмом. Содержание последнего сосредоточено на трансформации технологий и формировании их цифрового пласта, ввиду чего мы можем наблюдать сдвиги в отношении аудитории к созданным в контексте дигитализации продуктам культуры. Абсолютное большинство современных культурных форм подвержены требованиям потребителя, а интерактивность становится мощным определителем новых образов современности и формирования всех типов отношений. Следующим краеугольным камнем становится заимствование и переработка тезиса о смерти автора: всякое произведение искусства представляет собой результат коллективного, интерактивного цифрового творчества. А.В. Павлов усматривает здесь позитивный смысл данной идеи: в рамках Постпостмодернизма она предполагает не только отсутствие субъекта, творящего различные произведения, но и будущего как такового. На примере с Википедией им утверждается положение о том, что мир и культура ориентируются только на формируемое здесь-и-сейчас настоящее. Однако приставка «псевдо» имеет особое значение в новом мире, поскольку в Постпостмодернизме сочетаются стремление к иерархии, которую можно обнаружить в модерне и абсолютное обесценивание заданной системы координат. В эпоху цифры иерархичность определяется возможностями модераторов сохранить систему границ, в которой существуют субъекты, однако их взаимодействия – это результат цифрового коллективного творчества: все иерархизированно и мимолетно, а одна картинка быстро сменяет другую [3].

Обозначенные выше представленные положения олицетворяют двойственное положение социальности: наличие позитивно оцениваемых метанарративов, которые определяют функционирование общественных систем и принципов их организации социума при их одновременном нивелировании за счет цифрового коллективного творчества. Более того, Постпостмодернизм в форме Псевдомодернизма в отличие от Постмодернизма не способен создавать новые философии, что в итоге приводит к ценностной пустоте культуры [8]. Однако акцент делается на все увеличивающуюся зависимость населения от цифры, значит, само общество все более детерминируется возможностями и потенциалом воздействия цифровой реальности на традиционные эмпирические контексты. Поэтому, как нам представляется, уловить логику и предложить надежную методологию для описания социальных процессов при таком подходе затруднительно.

Вместе с тем в работе А.В. Павлова видны стремления сблизить ресурсы модернистской и постмодернистской мысли в целях прояснения псевдомодернизма. В первую очередь он говорит о способных придать социальности новые смыслы «постмодернистской насмешке» и «энтузиазме модерна»: «“Культурная индустрия” стремится отказаться от имитации в пользу мифа, от меланхолии – в пользу надежды, от экзгибиционизма – в пользу ангажемента» [4, с. 5]. Обе составляющие позволяют апеллировать к определенной чувственности, эмоциональному отношению к миру и социальности. Так, наивность, искренность и серьезность трактуются как основные формы чувственности человека и общественной системы. Поскольку такие проявления Постпостмодернизма характеризуются апелляцией к чувственности, то неизбежно формируется новый тип культуры: ее потребители соглашаются и сознательно идут на самообман, довольствуясь лишь интерпретациями тех или иных заранее созданных

автором произведений. Таким образом, субъективное восприятие и переживание произведения искусства становятся невозможными, главным оказывается способность автора навязывать собственную точку зрения на созданное им же произведение. Культура, которая ранее представляла собой совокупность хорошо сформированных и продуманных форм искусства, отныне оказывается множеством аффективных и сентиментальных абстракций.

По своему содержанию Постпостмодернизм представляет собой совокупность установок и методов понимания феноменов культуры, в которых реализуется баланс между иронией и рациональностью, что выражается в высокой степени цинизма по отношению к воспринимаемому субъекту. Поглощение создаваемых форм основано на невозможности самостоятельного влияния на их содержание, что приводит к допущению и принятию самообмана как витальной части современного общества. Авторы выбирают тактику уклонения от определения содержательного компонента. Текстуальная необходимость наличия отсылок к уже известным и позитивно маркируемым произведениям культуры, будь то научный текст или произведение искусства, все же сохраняется, однако таких аттракторов в традиционном смысле очень мало. Классическое интеллектуальное наследие, будь то творчество И. Канта или Дж. Локка, в значительной степени переосмысливается и наделяется совершенно неожиданными коннотациями. Можно считать, что предельный характер Модернизма утрачивается в полном объеме, поскольку отныне он не дает возможности для иронии. Далее теряются желания и способности к переосмыслению фундаментальных произведений: игра смыслов и возможность трансляции «закодированного» знания за счет системы отсылок и коннотаций также перестает быть важным. В результате образ самих постпостмодернистов содержит в себе предикаты некомпетентных в философии субъектов, которые лишь стремятся процитировать сколько-нибудь релевантный источник, что свидетельствует о переплетении рациональной иронии и ироничной рациональности [4; 6].

Другим важным проявлением Постпостмодернизма оказывается так называемый Сверхмодерн, который, как пишет А.В. Павлов, был предложен французским антропологом М. Оже, высказавшем центральное положение о том, что современная культура и общество характеризуются сверхвысокими скоростями в своем развитии и это конституирует пространство, время и само человеческое существование [5; 9]. К примеру, излишки пространств связаны с сужением макромира, поэтому внутри приватного пространства человека зачастую проникают различные изображения. На этом фоне сами индивиды атомизируются, а их экзистенции сводятся к повседневности. В свою очередь избыток времени можно проследить в происходящем калейдоскопе вытесняющих друг друга ивентов, формирующих личные истории людей как как вплетенные в социальное бытие биографии. На этом основании возникает положение о том, что современность является антропологией «ближнего», в рамках которой то, что наиболее близко отдельному человеку, определяет его способ существования и формы взаимодействия с другими субъектами. Очевидно, такая логика может быть перенесена не только на систему интересубъективных связей и отношений, но и на понимание и восприятие пространств города, страны и всех общественных мест, которые трансформируются и становятся выражением индивидуального способа существования [5].

На этом основании принцип «ближних» мест несет в себе возможности являться символом властных отношений, то есть того, с помощью чего оказывается возможным детерминировать собственную социальную и персональную идентичность человека. Административная или территориальная единица персонифицируется и определяет формы и способы существования человека, формируя, тем самым, его исторические корни и векторно прорисовывая историческую ретроспективу его биографического существования. Заслуживает внимания дихотомия М. Оже «места – не-места». Первые выражают собой социальные пространства, в которых человек способен выразить свою сущность. Вторые же репрезентируют совокупности таких координат, в которых люди утрачивают свою идентичность, поскольку получают распоряжение к действию и, как следствие, превращаются в их исполнителей [9]. Такая диалектика позволяет открыть способы общественного существования,

поскольку появляются аналитические возможности для понимания включенности человека в общество на основании исполнения команд в не-местах [5]. В результате субъект становится «средним человеком», за которого заранее определили формы и способы существования, что приводит к реализации логика «презумпции виновности», то есть человек виновен до тех пор, пока не доказал обратного.

Другим интересным проявлением Постпостмодернизма, с точки зрения А.В. Павлова, является Гипермодернизм. Осмысливающие его теоретики сосредоточены вокруг изменений социальности как формы контроля над телесностью. Общество осуществляет одноименные функции через использование ресурсов индустрии моды. Телесность достигла чисто риторического существования, поскольку его функционирование не воспринимается как основание для техноландшафта. Тело формируется, контролируется, запирается и используется различными негативными формами, начиная с использования концепции вирусов и эпидемий и заканчивая работой косметических компаний, которые имеют возможность принуждать людей к добровольному нанесению «яда» продукции на тела [2].

Заметим, что внешнее преобразование индивидами собственной телесности связано не с интенциями выражения своей индивидуальности, но выступает как следствие их неустойчивого социального положения и желанием достигнуть определенности своего социального статуса. Последнее выглядит возможным через четкое осознание собственной идентичности. Заметим, что изначально данные попытки детерминированы влиятельными субъектами, которые заранее формулируют, просчитывают и предлагают программы общественного существования. Эти образы являются заготовками для способов персонального существования, а значит – путь в единообразные версии субъективного бытия. Ведь именно повседневность через апелляции к телесности конституирует существование человека. Ведущими принципами становятся беспрецедентное ускорение процессов социального бытия и использование технических средств для формирования конкретных способов существования человека. Как итог, можно говорить о такой сущностной черте современности, как информационное влияние на человеческую телесность, которое приписывает высокое значение скорости перед пространством и нематериального перед материальным [2].

Нелинейная динамика современного общества и цифровизация влекут за собой пассивные формы общества потребления, а также инфантилизацию, фундированную теми самыми технически обусловленными моделями персонального существования. Такие трансформации позволяют человеку «перескакать» из одного образа в другой, заимствуя неповторяющиеся «маски» для освобождения от любого рода ответственности за предыдущие действия. Все это не просто определяет возможность описанной ситуации, а делает ее необходимой для человека: «Когда человек сознательно концентрируется на работе, чтобы обеспечить себе комфортное существование в «социальном времени», у него возникает чувство дереализации в настоящем» [2, с. 28]. На основании представленной логики можно говорить о том, что Гипермодерн связывается с теорией массовой культуры, которая, в отличие от идей Г. Лебона и Х. Ортеги-и-Гассета, основана на современных технических средствах и детерминирована куда более мощными средствами массовой информации и коммуникации. А.В. Павлов отмечает, что появившиеся возможности дают человеку основание не только потреблять, но также и творить, но опять же под неусыпным «надзором» средств массовой информации и технологий, влияющих на процессы формирования телесности отдельного человека [2].

Выводы

В целом под Постпостмодернизмом следует понимать совокупность теорий, в которых общество определяется как гиперсетевое и перманентно трансформируемое, в основу чего составляют передовые коммуникативные технологии. Рельефно прорисовываются тренды сверхмобильности и сверхкреативности для коллективных и индивидуальных форм существования. В дополнение к этому признается общее высокое значение скорости перед пространством и временем, поскольку центральное место отводится возможностям влияния на телесность через интеллектуальные метаморфозы, в первую очередь через отказ от единой

идеологии в пользу множества миропонимания самого различного уровня. Самоочевидно, что новый образ современного мира сочетает в себе недостатки (к примеру, невозможность вести самостоятельное существование) и достоинства (среди которых отмечается творчество, детерминированное деятельностью контролирующих субъектов). Однако следует признать, что отсутствие единой методологии Постпостмодернизма связано как с его сложностным характером, так и со слишком небольшим временным периодом для более вдумчивой и детальной проработки данного направления.

Список источников

1. *Афанасов Н.Б., Павлов А.В.* Образы современности в XXI веке: Космодернизм // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 2. С. 46–62.
2. *Павлов А.В.* Образы современности в XXI веке: Гипермодернизм // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 2. С. 20–33.
3. *Павлов А.В.* Образы современности в XXI веке: Диджимодернизм: рецензия на книгу Алана Кирби // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 2. № 2. С. 197–212.
4. *Павлов А.В.* Образы современности в XXI веке: Метадернизм // Логос. 2018. Т. 28. № 6 (127). С. 1–19.
5. *Павлов А.В.* Образы современности в XXI веке: Сверхмодернизм // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1. С. 69–83.
6. *Павлов А.В.* Постмодернизм как «Ощущение конца» // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2019. № 2. С. 55–69.
7. *Павлов А.В.* Постмодернистский ген: является ли Посткапитализм Постпостмодернизмом? // Логос. 2019. Т. 29. № 2 (129). С. 1–24.
8. *Сафронов Э.Е.* Что будет вместо Постмодерна? Диджимодернизм как культурная доминанта // *Galactica media: journal of media studies*. 2019. № 1. С. 178–195.
9. *Augé M.* *Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. London; NY: The Cromwell Press, 1995. 126 p.
10. *Moraru C.* *Cosmodernism: American Narrative, Late Globalization, and the New Cultural Imaginary*. Michigan: University of Michigan Press, 2011. 440 p.

References

11. *Afanasov N.B., Pavlov A.V.* Images of modernity in the XXI century: Cosmodernism // Knowledge. Understanding. Ability. 2019. No. 2. Pp. 46–62.
12. *Pavlov A.V.* Images of modernity in the XXI century: Hypermodernism // *Philosophical Journal*. 2019. Vol. 12. No. 2. Pp. 20–33.
13. *Pavlov A.V.* Images of modernity in the XXI century: Digimodernism: a review of the book by Alan Kirby // *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*. 2018. Vol. 2. No. 2. Pp. 197–212.
14. *Pavlov A.V.* Images of modernity in the XXI century: Metamodernism // *Logos*. 2018. Vol. 28. No. 6 (127). Pp. 1–19.
15. *Pavlov A.V.* Images of modernity in the XXI century: Supermodernism // Knowledge. Understanding. Ability. 2019. No. 1. Pp. 69–83.
16. *Pavlov A.V.* Postmodernism as a "Feeling of the end" // *Bulletin of the Moscow University. Series 7: Philosophy*. 2019. No. 2. Pp. 55–69.
17. *Pavlov A.V.* Postmodernist gene: Is Post-Capitalism Post-Postmodernism? // *Logos*. 2019. Vol. 29. No. 2 (129). Pp. 1–24.

18. *Safronov E.E.* What will be instead of Postmodern? Digimodernism as a cultural dominant // *Galactica media: journal of media studies*. 2019. No. 1. Pp. 178–195.
19. *Augé M.* *Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. London; NY: The Cromwell Press, 1995. 126 p.
20. *Moraru C.* *Cosmodernism: American Narrative, Late Globalization, and the New Cultural Imaginary*. Michigan: University of Michigan Press, 2011. 440 p.

Статья поступила в редакцию 22.09.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 05.10.2022.

The article was submitted 22.09.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 05.10.2022.